

А. М. Авласович (Могилев)

ПРОЦЕССЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОСОЖЬЯ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

На территории Могилевского Поднепровья и Посожья при изучении вопроса погребальной обрядности замечена резкая дифференциация способов трупоположения в курганных некрополях, расстояние между которыми порой не превышает нескольких десятков километров*. Особый интерес представляет сравнение могильников расположенных на территории современных Бобруйского, Кличевского, Осиповичского, Бельничского районов с могильниками, расположенными на территории современного Кировского района. Примечательным является частая встречаемость трупоположений в подкурганных ямах в первых четырех вышеперечисленных районах и редкая встречаемость ямных погребений под курганными насыпями в других районах области [27, с. 127 рис. 39; 5].

Относительно Могилевского Поднепровья и Посожья, следует отметить, что для населявших эту территорию племен радимичей, дреговичей и кривичей, трупоположения в подкурганных ямах не является характерной чертой, в отличие от племен полян. Отмечая не характерность ямных захоронений в эпоху господства трупосожжений на данной территории, в первую очередь для радимичей и дреговичей, Я. Г. Риер указывает на появление погребений в подкурганных ямах на данной территории в XI—XII вв. вследствие распространения христианской догматики [24, с. 141]. Примечательно, что погребения в подкурганных ямах радимичей и дреговичей наиболее характерны для южных районов расселения этих племен, из чего ученый делает вывод о христианизации местного населения из Среднего Поднепровья, а не через местные племенные протогосударственные структуры [24, с. 141].

Проблема христианизации в Верхнем течении Днепра, на примере радимичских древностей, также рассматривалась гомельским исследователем В. В. Богомольником. Ученый отмечал, что:

- в ямных погребениях традиционная для христианства западная ориентировка встречается на более чем на 27% чаще по сравнению с неямными погребениями;
- в ямных погребениях на 8,5% увеличивается число костяков со сложенными на животе руками;
- в ямных погребениях резко снижается встречаемость керамики, а также сосуды с пережженными костями;
- в ямных погребениях реже используется ритуальный огонь;
- в подкурганных ямах в два раза чаще встречаются погребения в гробах [3, с. 26—27].

На территории Могилевского Поднепровья и Посожья погребения в подкурганных ямах зафиксированы в 22 некрополях. Картографирование курганных могиль-

* При написании настоящей статьи автором были использованы неопубликованные материалы из раскопок своего научного руководителя — профессора, д. и. н. И. А. Марзалюка. Считаю своим долгом выразить слова огромной благодарности Игорю Александровичу за предоставление возможности работы с археологическим материалом.

ников с труположениями в подкурганных ямах показывает, что они наиболее характерны для западной части рассматриваемого региона, заселенной племенами дреговичей. Здесь подкурганные ямы зафиксированы в 15 могильниках, при этом в пяти могильниках обнаружены погребения в гробах. В одном случае обнаружен нательный крест. Погребенные в подкурганных ямах, как правило, ориентированы в западном направлении. В нескольких случаях руки погребенных находились сложенными на тазовых костях. Самые ранние погребения в подкурганных ямах, исходя из погребального инвентаря, появляются здесь с конца X в., однако основная их масса приходится на XI—XII вв. При этом ямный тип погребений в западной части Могилевского Поднепровья не становится доминирующим и составляет всего около 12% [11, с. 29]. В данной части региона в погребениях также часто встречаются гробы, причем их наличие более характерно для погребений на материковой поверхности, нежели в ямах.

В центральной и восточной части интересующего нас региона труположения в подкурганных ямах известны в семи могильниках, пять из которых расположены в междуречье Днепра и Прони, и два в течении реки Сож. Среди исследованных насыпей труположения в подкурганных ямах составляют незначительную часть. Так в могильнике Восход из 49 изученных насыпей лишь в трех погребениях находились ниже уровня древней дневной поверхности, при этом глубина их незначительная — до 20 см. В курганном некрополе у города Чаусы, лишь два костяка находились в ямах под насыпью, однако здесь углубления превышали 40 см. Погребальный инвентарь одной из насыпей позволяет датировать погребение XII—XIII вв. [26, с. 22]. В детском погребении могильника Восход удалось проследить положение рук на тазовых костях. Погребальный инвентарь показывает, что в погребения в небольших подкурганных ямах здесь начинают практиковаться с конца X — начала XI в., этим временем датируется основная масса исследованных насыпей, хотя для большинства погребений характерна ингумация на горизонте.

В XI—XII вв. в междуречье Днепра и Прони появляются первые погребения в подкурганных ямах, глубина которых превышает 40 см. Следы остатков гробов также прослеживаются в ямных погребениях конца X — начала XI в. Костяки со сложенными на груди или животе руками здесь фиксируются в могильниках Корма-Пайки (Костюковичского района) и Восход (Могилевского района), однако в общей массе изученных насыпей данные погребения составляют незначительный процент. В подавляющем большинстве руки погребенных вытянуты вдоль туловища.

В. В. Богомольниковым замечено, что на территории расселения радимичей гробы встречены примерно в каждом четвертом погребении. При этом соотношение встречаемости гробов в ямных и неямных погребениях практически равно. Также замечено, что гроб находился примерно в каждом четвертом погребении с западной ориентировкой и только в каждом десятом погребении с восточной ориентировкой [4, с. 41].

На территории Могилевского Поднепровья и Посожья к настоящему моменту известно о находках 13 экземпляров крестов, обнаруженных в курганных погребениях [27, с. 23; 16, с. 9—10]**. В. Я. Петрухиным на примере киевского некрополя было замечено, что такой символ христианства как нательный крест в большинстве случаев встречается именно в женских погребениях. Данный факт исследователь объясняет желанием законных жен установить моногамию в семье, так как дети наложниц мужа имели законное право на долю наследства их отца [20, с. 230].

** В настоящей статье учтены материалы археологических раскопок, еще не введенных в широкий научный оборот.

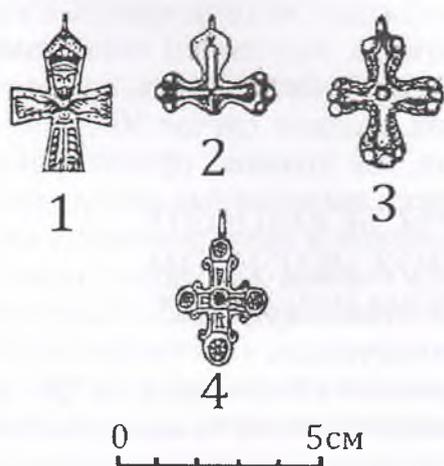

Рис. 1.

Материалы раскопок Я. Г. Риера:
1, 2 — Колодезская, 3, 4 — Чаусы
(согласно Я. Г. Риеру)

Христианство же предполагает моногамный брак, поэтому женщины охотнее и быстрее принимали крещение, нежели мужское население Киева.

В богатом женском погребении могильника у деревни Колодезская было зафиксировано пять крестиков-тельников. К сожалению погребение не было исследовано профессионально, а восстанавливалось Я. Г. Риером на основании свидетельств местного населения, самовольно раскопавшего данную насыпь. Четыре креста изготовлены по одной форме и содержат грубое изображение распятия с крестом над головой [16, с. 14–17]. По мнению исследователей на лицевой стороне рельефное изображение распятия Христа (рис. 1: 1), его голова смотрит прямо, а ноги закрывает длинная набедренная повязка или византийское одеяние — лентий или коллобий [33, с. 7]. Голову опоясывает овальный рельефный пояс — нимб, над которым расположен плохо читаемый рельефный

четырёхконечный крест. Подобный крест был обнаружен на Рюриковом городище под Новгородом [18, рис.10: 6]. Моделью для данного типа крестов могли послужить маленькие кресты-реликварии, которые в конце X — начале XI в. копировались с византийских крестов. Самый же ранний крест с грубым изображением распятия был обнаружен в Новгороде в 27 ярусе, датируемом 972 — 989 годами [19, с. 60]. Подобный крест с обнаружен Т. В. Равдиной в курганном погребении середины XI века на Верхней Волге [23, с. 223]. По мнению В. В. Седова «родиной» данного типа нагрудных крестов является Великая Моравия, где подобные крестики фиксируются с IX в. Прототипом для них послужили византийские энколпионы. Из Моравии кресты данного типа с X в. распространялись на территории Руси [29, с. 64].

Пятый крест представлен так называемым «скандинавским типом» (рис. 1: 2). Данные находки позволяют говорить о проникновении христианства в глухие, отдаленные от крупных водных путей и известных городских центров районы в XI в. Также крест скандинавского типа с кольцом был обнаружен в женском погребении могильника Красная Слобода. Он, в отличие других известных находок был изготовлен из меди, входил в состав ожерелья наряду с бисером и бусами, что позволяет датировать данное погребение XI веком. М. В. Фехнер было замечено, что кресты данного типа концентрируются в основном в земле радимичей и обнаружены исключительно в женских погребениях. Сопутствующий погребальный инвентарь позволяет датировать распространение данных привесок в земле радимичей в XI в. Исследования же владимирских курганов позволяют уточнить дату появления крестов «скандинавского типа» концом X — началом XI в. [34, с. 212–213].

Еще один крест скандинавского типа был обнаружен в могильнике Чаусы (рис. 1: 3), однако не установлено из какого погребения. Судя по общей закономерности обнаружения данных крестов в земле радимичей исключительно в женских погребениях, следует полагать, что и данная находка не должна являться исключением. Кресты этого типа встречаются в культурных слоях и погребениях с конца X в.

Еще одна находка креста была обнаружена в женском погребении конца X — начала XI в. могильника Восход. Погребенная была положена на горячие угли, о чем свидетельствуют следы термического воздействия на подвесках, ориентирована на

северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Очень богатый погребальный инвентарь, а также каменная печать с изображением княжеского трезубца позволяют отнести данное захоронение к числу высокостатусных. Примечательно, что крест находился с двумя ажурными подвесками и браслетом у левой руки, а не на груди. Из этого следует полагать признание сакральной силы креста, который, однако, отождествлялся в качестве оберега. С другой стороны, находка креста именно в высоко статусных погребениях с богатым погребальным инвентарем свидетельствует о скорейшем восприятии христианства среди элиты общества.

Два равноконечных креста с рифленным орнаментом и расширенными концами были обнаружены в разрушенном кладоискательской ямой погребении у города Чаусы [27, с. 23]. Потрясенные кости располагались на древней дневной поверхности, что свидетельствует об обряде трупоположения. Кресты данного вида изготавливались из оловянисто-свинцовой бронзы. Орнамент представляет собой четыре окружности на концах и выпуклыми линиями (рис. 1: 4). В перекрестье помещено рельефное изображение медальона, в аналогичных крестах имеет отходящие от него завитки, которые символизируют проросшее зерно [13, с. 123]. Данный вид крестов имеет аналогичную форму, но меньшие размеры, что и кресты первой трети XII в., на которых вместо ажурного орнамента нанесена вытянутая фигурка Христа и выпуклые изображения святых. Данный вид крестов М. В. Седова относит к предметам христианского культа и датирует последней четвертью XI в. [30, с. 50]. Погребение у г. Чаусы с данным крестом было совершено в середине XI века [25, с. 14–15].

По мнению М. В. Фехнер маленькие крестики «скандинавского типа» обнаруженные в женских погребениях являлись женскими амулетами или украшениями, в отличие больших крестов с концентрическими узорами, обнаруженных в мужских погребениях, которые могли являться символом христианства [34, с. 213]. Однако если принять мысль В. Я. Петрухина о более быстрой христианизации женщин в целях установления моногамной семьи, то распространение данных привесок в женских погребениях также объяснимо. Расширяющиеся же концы крестиков можно интерпретировать как расходящиеся четыре луча Света Жизни, источником которых является Христос [33, с. 6].

В могильнике Петуховка Чаусского района равноконечный крест обнаружен в женском погребении. Привеска изготовлена из бронзы и располагалась на груди. Крест входил в состав ожерелья. Костяк располагался на древней дневной поверхности, ориентирован головой на запад. В насыпи прослежены следы срубной конструкции. Набор погребального инвентаря позволяет датировать погребение концом X — началом XI в. Точных аналогий данному кресту нам обнаружить не удалось, однако следует отметить, что он весьма схож с равноконечными крестами, имеющими треугольные концы [33, с. 6].

В могильнике Патока Кличевского района миниатюрный бронзовый крестик входил в состав ожерелья вместе со стеклянными бусами и монетовидными привесками. Погребение принадлежало женщине и находилось в подкурганной яме. Крестик имеет квадратный щиток посередине и шаровидные окончания на концах. По мнению Л. В. Дучиц, наличие монетовидных привесок и стеклянных бус может свидетельствовать о городской принадлежности умершей женщины. Погребение датировано XI веком [5, с. 18]. Крест этого же типа был обнаружен при исследовании городища Старый Шклов.

По мнению Д. А. Беленькой монетовидные привески с изображением креста или христианских святых являются своего рода иконками-оберегами [2, с. 94–97]. На

территории Могилевского Поднепровья известно более десятка монетовидных привесок, однако лишь находки из двух памятников можно с уверенностью связывать с христианским культом — привески изготовленные из сребренников Владимира. Четыре экземпляра происходят из могильника Вотня, один — из могильника Восход. Сребренники Владимира первой разновидности были отчеканены по приказу Владимира Святославича и приурочены к 988 г. — году крещения Руси. Как известно, на одной стороне изображен сам великий князь, на оборотной — Иисус. Находки происходят из женских погребений, произведенных по обряду трупоположения на материковой поверхности. Погребальный инвентарь достаточно богат и разнообразен, что не вполне соответствует канонам христианской церкви. Однако изображение святых на монетах по мнению Д. А. Беленькой выполняли функцию оберега, наряду с привесками языческих символов [2, с. 94—97]. Женское погребение могильника Восход, как установлено, происходит из некрополя сельских дружинников, т.е. из представителей княжеской власти на месте, которая с крещения Руси наиболее быстро принимала новую религию. Все они тяготеют к крупным водным магистралям. Аналогичная ситуация прослеживается и в Старом Шклове.

Рис. 2.
Монетовидная привеска из курганного могильника Бацевичи (согласно Н. Н. Кривольцевичу, В. И. Кошману)

Монетовидная привеска-медальон с изображением птицы, держащей в клюве гроздь винограда (рис. 2) была обнаружена в женском погребении могильника Бацевичи Кличевского района. Аналогичных медальонов к настоящему времени неизвестно, что подтверждает предположение о индивидуальном характере заказа мастеру на данное изделие [12, с. 33—34]. В. И. Кошман отмечает, что виноград и виноградная лоза в целом может интерпретироваться в качестве одного из символов христианства [11, с. 89]. В христианстве виноградная лоза имеет особое сакральное значение. Согласно апостолу Иоанну, Христос говорил: *«Я есмь истинная виноградная лоза, и Отец Мой — виноградарь»* (Ин. 15:1). Само же изображение виноградной лозы и ее ветвей указывает на Христа и его единство с верующими, Его Церковь. Изображение лозы с гроздьями винограда или птицы, клюющие гроздья символизируют христиан, питающихся Телом и Кровью Христовыми [31, с. 21]. Ведь хлеб является символом плоти Христа, а виноградное вино — его кровью.

Птица, изображенная на привеске, с устных замечаний И. А. Марзалюка, может являться стилизованным изображением голубя. В христианстве изображение голубя символизирует Святого Духа. Во время крещения Христа в реке Иордан над его головой парил голубь: *«И крестившись, Иисус тотчас вышел из воды — и се, отразились Ему небеса, и увел Иоан Духа Божия, который сходил как голубь, и ниспустился на Него как образ Святого Духа»* (Мф. 3:16). Святой Дух почти всегда изображается в образе голубя при Благовещании. Примечательно, что новоокрещенные также изображаются в виде голубей [35, с. 461].

Таким образом, семантика изображения на привеске из женского погребения могильника Бацевичи может трактоваться в качестве стилизованного изображения Святого Духа, несущего христианскую веру в мир людской.

Мы также не можем исключать вероятность того, что данная привеска является византийским импортом, а не предметом местного ювелирного производства.

На территории исследуемого региона лишь однажды в погребении была зафиксирована восковая свеча [8, с. 51]. Она располагалась в глиняном горшке, поставлен-

ном у ног покойника. При этом само погребение находилось в деревянном срубе, напоминающим формой гроб, костяк был ориентирован в западном направлении. Данное погребение, судя по обрядности, было произведено в XI—XII вв. Наличие сруба в форме гроба, восковой свечи, отсутствие погребального инвентаря, а также западная ориентировка позволяют судить о христианской догматике в погребальном обряде данного захоронения.

Символ свечи, согласно фольклорных представлений белорусов, символизирует Вечный свет, перед которым человек появляется после смерти, а так же — знак последнего служения Богу, покаяние и замаливание грехов. В христианской обрядности славян свеча символизирует источник света, который должен помочь душе умершего человека отыскать свой путь во тьме. Согласно этнографическим данным еще в XIX в. умирающему человеку в предсмертные минуты вкладывали в руку зажженную свечу. Если свеча продолжала гореть в руках человека и после его последнего вздоха, то это считалось хорошей приметой для души умершего. В некоторых районах Восточной Беларуси свечу вкладывали только в левую руку, считая, что правой рукой душа человека будет креститься на Страшном суде [32, с. 16].

Находки кусочков воска и свеч на территории Древней Руси встречаются в погребениях со второй половины X в. Они известны в таких эталонных дружинных могильниках как Тимерево, Шестовица, Седнев, Гнездово, Вахрушево [22, с. 47—48].

Раскопки в исторической части города Могилева, Старого Шклова, Кричева, Мстиславля, Чаусов, а также исследования близлежащих курганных групп свидетельствуют о распространении христианства на территории Могилевского Поднепровья и Посожья с конца X — XI в. [15, с. 186—187].

Как уже было отмечено, в западной части Могилевского Поднепровья погребения в подкурганных ямах встречаются намного чаще, чем в центральной и восточной частях рассматриваемой территории. Этническая принадлежность населения оставившего данные памятники маркируется с характерными для дреговичей височными кольцами и бусами.

В центральной части Могилевского региона (бассейн реки Днепр) погребения в подкурганных ямах встречаются заметно реже. Именно здесь, по Днепру, проходила этническая граница радимичского и дреговичского племенного союза. Также в междуречье Днепра и Прони фиксируются курганные некрополи с материалом, характерным для дружинного сословия: Восход, Корма-Пайки, Анелино, возможно Лудчицы, а также селище Чаусы, городище Старый Шклов [17, с. 19; 9, с. 56; 10, с. 68; 28, с. 222—223].

Таким образом, река Днепр является условной этнической границей двух племен, что совпадает со снижением количества встречаемости погребений в подкурганных ямах. Расположение некрополей с материальной культурой дружинного сословия, следует полагать, указывает не только на политическое и этническое пограничье, но и показывает, как распространялась новая погребальная традиция, проходившая под влиянием христианства. Нами уже оговаривалось выше, что смену трупосожжения трупоположением следует рассматривать как самую раннюю фазу распространения христианства на данной территории. Региональная же разница в традиции погребения в подкурганных ямах отражает неравномерность укоренения новой христианской догматики и различие фаз этого укоренения в граничащих макрорегионах.

Как известно, роль дружинного сословия в крещении Руси является особенной. Во-первых, дружина князя явилась одним из первых социальных слоев, который познакомился с христианством до его официального принятия. Во-вторых, непо-

средственно через дружины местных князей происходила христианизация всей Руси. В-третьих, дружина, являясь элитой в обществе, служила примером для подражания и принятия христианства местным населением. Уже отмечалось, что нательные крестики также тяготеют к городищам и некрополям, в которых обнаружены предметы вооружения.

Рис. 3.

Сребреник Владимира Святославича 989 г. — реверс с изображением Христа, могильник Восход (согласно И. А. Марзалюку)

Археологические исследования показывают, что в данном микрорегионе христианство начало распространяться с конца X в. Сребреник Владимира и кресты в могильнике Восход (рис. 3), предметы вооружения, а также ранние типы крестов, найденные на городище Старый Шклов, боевых топоров, следы гробов в могильнике Корма-Пайки, где в погребениях руки умерших были сложены на тазовых костях; подкурганые ямы, крестики и предметы профессионального вооружения на селище Чаусы — свидетельствуют о раннем распространении новой догматики именно на памятниках связанных с дружинным сословием.

Классическая ситуация, следует полагать, произошла на городище Старый Шклов. В Киеве Владимир Святославич «...повеле кумиры испровержи, овы исеши а другия огневе предати». В Новгороде «...Идолы сокруши, деревяннии сожгоша, а каменнии, изломав, в реку вергоша» [7,

с. 19]. В 1963 г. у берега реки Серебрянка, неподалеку от городища Старый Шклов, был обнаружен каменный идол. Сложно сомневаться в том, что и данное каменное изваяние божества стало жертвой христианской реформы Владимира: «повеле рубити церкви и поставояти по местомъ, иде же стоху кумири ...» [21, стб. 118]. Известным примером низвержения языческих богов может послужить Чернигов. В 1700—1702 гг. при земляных работах был обнаружен серебряный идол. По мнению В. П. Коваленко, черниговские волхвы успели опередить княжеских посланцев и спрятали данную святыню в валах детинца [7, с. 19].

Таким образом, в Старом Шклове, при помощи представителей дружинного сословия, довольно рано крестили жителей городища и близлежащих окрестностей. Каменный идол был неизвержен в реку, а в культурных напластованиях конца X — XI в. появились нательные кресты.

На детинце древнего Могилева, на горе Могила, в ходе археологических раскопок было установлено, что уже в XII в. здесь существовала церковь и христианское кладбище при ней. находка донца клейма со знаком княжеской власти (трезубец) свидетельствует о распространении на данной территории княжеской администрации [14, с. 19]. Процессы феодализации и христианизации шли бок о бок, и данная находка может косвенно свидетельствовать о проникновении христианства в данной местности. Этому также должно было способствовать география памятника — он расположен в месте впадения реки Дубровенки в Днепр. По мнению, Ю. А. Зайца город Могилев мог быть основан именно как приходской центр [6, с. 44].

В сельской местности в междуречье Днепра и Прони следы распространения христианства начинают прослеживаются с XI столетия. В тоже время в некрополях Чаусского района не выявлены погребения с трупосожжениями, что свидетельствует об отказе от языческого обряда ранее указанного столетия. Раскопки на селище Чаусы и в близлежащем курганном некрополе выявили, что с указанного столетия здесь проживал дружинник-землевладелец или представитель княжеской администрации. Материал из погребений, содержащих трупоположения в подкурганых

ямах, позволяет их датировать XII — началом XIII в., тем самым отражая новый этап христианизации местного населения. Вероятно, новый этап может быть связан с включением данной территории в состав Смоленского княжества, которое, по мнению Л. В. Алексеева, происходило с начала XII в. [1, с. 56—58].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев, Л. В.** Домен Ростислава Смоленского / Л. В. Алексеев // Средневековая Русь: памяти Н. Н. Ворониной. — М., 1979. — С. 53 — 59.
2. **Беленькая, Д. А.** Крестики и иконки из курганов Подмосквья / Д. А. Беленькая // Советская Археология, 1976, № 4. — С. 88 — 99.
3. **Богомольников, В. В.** Курганы радимичей / В. В. Богомольников // Гісторыка-археалагічны зборнік. — Мн., 1994. — № 4. — С. 23 — 35.
4. **Богомольников, В. В.** Радимичи: По материалам курганов X—XII вв. / В. В. Богомольников. — Гомель: Гомельский государственный имени Франциска Скорины, 2004. — 226 с.
5. **Дучыц, Л. У.** Справаздача: аб археалагічных даследваннях на тэрыторыі Бабруйскага, Клічаўскага раенаў Магілёўскай вобласці і Любаньскага раена Мінскай вобласці ў 1998 г. / Л. У. Дучыц. Архіў Інстытута Гісторыі НАН Беларусі. — Спр. № 1744. — Мн., 1999.
6. **Заяц, Ю. А.** Да праблемы распаўсюджвання хрысціянства на Беларусі / Ю. А. Заяц // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. трудов / Под общ. ред. В. В. Старостенко. — Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. — С. 43—46.
7. **Коваленко, В. П.** Чернигово-Северская земля и введение христианства / В. П. Коваленко // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научной конференции по теме: «Древнерусское язычество и его традиция». — Псков, 1988. — С. 19—21.
8. **Копытин, В. Ф.** Археологические памятники Кировского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. — Могилев: Издательство МГУ им. А. А. Кулешова, 2002. — 144 с.
9. **Копытин, В. Ф.** Археологические памятники Краснопольского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. — Могилев: Издательство МГУ им. А. А. Кулешова, 1996. — 121 с.
10. **Копытин, В. Ф.** Археологические памятники Славгородского района Могилевской области: Монография / В. Ф. Копытин. — Могилев: Издательство МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. — 147 с.
11. **Кошман, В. І.** Поселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X—XIII стст. / В. І. Кошман. — Мінск: Беларус. навука, 2007. — 281 с.
12. **Крывальцэвіч, М. Кошман, В.** Раскопкі дрыгавіцкага кургана каля вескі Бацэвічы Клічаўскага раена / М. Крывальцэвіч, В. Кошман // Беларускі гістарычны часопіс. — 2005. — № 1. — С. 31—36.
13. **Кутасов, С. Н., Селезнев, А. Б.** Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески / С. Н. Кутасов, А. Б. Селезнев; под. общ. ред. А. К. Станюковича. — Москва, 2010. — 320 с.
14. **Марзалюк, І. А.** Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стрэатыпы (X—XVII стст.): Манаграфія / І. А. Марзалюк. — Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2002. — 324 с.
15. **Марзалюк, І. А.** Пахавальны абрад як гістарычная крыніца па хрысціянізацыі паўночна-усходняй Беларусі / І. А. Марзалюк // Проблемы археологии и древней истории Верхнего Поднепровья и соседних территорий. Международная научная конференция (30 января — 1 февраля 2002 г.): Доклады и сообщения. — Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова, 2002. — С. 185—193.
16. **Марзалюк, І. А.** Справаздача аб археалагічных выратавальных даследаваннях на курганым могільніку ў г. Чэрыкаве Магілёўскай вобласці ў 2008 г. / І. А. Марзалюк (рукапіс).
17. **Марзалюк, І. А.** Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка «Усход» у Магілёўскім раене ў 2010 г. / І. А. Марзалюк (рукапіс).

18. **Носов, Е. Н.** Тридцать лет раскопок Городища / Е. Н. Носов // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г. — Великий Новгород, Россия, СПб, 2007. — С. 23–58.
19. **Пескова, А. А., Егорьков, А. Н.** Византийский крест-реликварий на Рюриковом городище / А. А. Пескова, А. Н. Егорьков // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 53–61.
20. **Петрухин, В. Я.** Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В. Я. Петрухин. — Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. — 320 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. — Л., 1926. — 580 с.
22. **Пушкина, Т. А.** Воск в древнерусских погребениях / Т. А. Пушкина // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научной конференции по теме: «Древнерусское язычество и его традиция». — Псков, 1988. — С. 47–48.
23. **Равдина, Т. В.** Погребения X–XI вв. с монетами на территории древней Руси: Каталог / Т. В. Равдина. — М.: Наука, 1988. — 152 с.
24. **Риер, Я. Г.** Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X–XIV веках / Я. Г. Риер // Древности Белоруссии и Литвы. — Мн., 1982. — С. 137–144.
25. **Риер, Я. Г.** Отчет об археологических работах в Могилевской области в 1978 г. / Я. Г. Риер // Архив Института Истории НАН Беларуси. — Минск, 1978.
26. **Риер, Я. Г.** Отчет об археологических раскопках селища и курганов у г. Чаусы в 1977 г. / Я. Г. Риер. — ААНД ИИ НАНБ. — Минск, 1978.
27. **Риер, Я. Г.** Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв. По археологическим данным: Монография / Я. Г. Риер. — Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. — 176 с.
28. **Рьер, Я. Р.** Вясковае паселішча ў г. Чавусы / Я. Р. Рьер // Гісторыка-археалагічны зборнік. — Мн., 1994. — № 3. — С. 202–227.
29. **Седов, В. В.** Об одной группе древнерусских крестиков / В. В. Седов // Древности славян и Руси. — М.: Наука, 1988. — С. 63–67.
30. **Седова, М. В.** Ювелирные изделия из древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. — М.: Наука, 1981. — 196 с.
31. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В. В. Адамчик. — М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. — 240 с.
32. **Сысоў, У. М.** Беларуская пахавальная абраднасць: Структура абраду, галашэнні, функцы слова і дзеяння / У. М. Сысоў. — Мн.: Навука і тэхніка, 1995. — 182 с.
33. **Федоров, Ю. А.** Образ креста. История и символика православных нагрудных крестов / Ю. А. Федоров. — СПб., 2000. — 29 с.
34. **Фехнер, М. В.** Крестовидные привески «скандинавского типа» / М. В. Фехнер // Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 210–214.
35. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. — 608 с.